

Ританна Армени

при участии

Элеоноры Манчини

**В БОЙ ИДУТ
«НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ»**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Ritanna Armeni

UNA DONNA PUÒ TUTTO

1941: volano le Streghe della notte

*Посвящаю Констанции,
моей маленькой ведьмочке*

Предисловие переводчика

Вы держите в руках новую книгу Ританны Армени, итальянской журналистки, телеведущей и писательницы.

Ее предыдущая книга, «Об этой любви никто не должен знать» (2017, Лимбус Пресс), посвящена непростым отношениям между В. И. Лениным и Инессой Арманд, о которых так долго умалчивала советская историография.

В этой книге вы также встретите немало упоминаний о малоизвестных фактах и событиях, касающихся другой страницы нашей истории – Великой Отечественной войны. Как случилось, что итальянскую журналистку столь сильно увлекла тема роли женщин в одной из самых жестоких войн прошлого столетия? Собирая материалы для своей книги о Ленине и Инессе Арманд, Ританна много работала в архивах Москвы. Именно тогда, волею судьбы, ей посчастливилось познакомиться с удивительной женщиной, Ириной Ракобольской. Ирина Вячеславовна была последней из оставшихся в живых легендарных «ночных ведьм» – так немцы прозвали отважных летчиц из женского авиаполка ночных бомбардировщиков. Мы помним

фильм «В бой идут одни “старики”»: незабываемые женские образы «списаны» с отважных девушек, которые в самом начале войны добились права служить в авиационном полку, а в основу любовной линии кинокартины была положена реальная история одной из летчиц полка.

Всегда интересно взглянуть на историю своей страны глазами иностранцев: будь то «Записки Астольфа де Кюстина» (1843), «Путевые впечатления» Александра Дюма (1861) или «Простак за границей» Марка Твена (1867). «Россия во мгле» Герберта Уэллса (1920) полна точных замечаний и предсказаний. Весьма субъективен и немного наивен наш современник Фредерик Бегбедер, часто бывающий в России: его «Идеаль» (2010) – вывернутый наизнанку роман-исповедь «в русском стиле».

Еще интереснее читать книгу, написанную женщиной-иностранкой о женщинах русских, причем со слов женщины-героя Великой Отечественной войны.

О легендарных летчицах написано немало книг, в том числе – самими участницами тех событий. Но вспомним время, когда они издавались: пятидесятые – восьмидесятые годы прошлого века. Не обо всем можно было сказать открыто, многое осталось «за кадром». Особенностью книги итальянской писательницы является предельная искренность очень пожилой свидетельницы сложной и яркой эпохи: Ирине Вячеславовне было уже 96 лет, на дворе стоял 2016 год, она могла позволить себе откровенность. Особо щемящее чувство вызывают ее размышления о феврале 1945 года, когда их полк вступил на немецкую землю: советские солдаты были переполнены ненавистью, и ими владело единственное желание – отомстить врагу.

Ританна Армени как бы пропускает через себя события, о которых неторопливо рассказывает ее собеседница. Она негодует из-за того, что девушкам не дают разрешения вступить в ряды армии, с мягкой улыбкой описывает, как они примеряли

большие солдатские шинели и сапоги, горюет по молодым летчицам, погибшим в бою. Она искренне радуется, когда выясняется, что полк, состоявший из одних только девушек, сбил больше вражеских самолетов, чем соседний, мужской.

Конечно, вы не раз улыбнетесь некоторой наивности итальянской писательницы, изумленной силой духа и мужеством героинь своего рассказа: мы-то отлично знаем об ужасах той войны и о беспримерной храбрости наших воинов – мужчин и женщин! Иногда в книге проскальзывают забавные стереотипы в отношении Советского Союза и России, сложившиеся в Западной Европе; нам кажется, что и они будут интересны нашему читателю.

Книга «Ночные ведьмы» издана в Италии в 2018 году. Автор назвала ее «Женщина может все». Надо сказать, что Ританну Армени давно интересует идея равенства мужчин и женщин. На многочисленных презентациях в Италии (там книга имеет огромный успех) автор всегда подчеркивает важную для нее мысль: девушки, о которых говорится в книге, родились после революции, и идея равенства была для них аксиомой. И вот в июне 1941 года, когда Германия вероломно напала на Советский Союз, многим молодым женщинам было непонятно, почему их не принимают в ряды защитников страны наравне с мужчинами. Положение изменила Герой Советского Союза летчица Марина Раскова: она, старший лейтенант госбезопасности, пользуясь своим положением и личными контактами со Сталиным, добилась у него разрешения на формирование женских боевых частей. Первыми ее «ласточками» стали парашютистки, подготовленные аэроклубами страны: немедленно были сформированы три женских авиаполка: 586-й истребительный (Як-1), 587-й бомбардировочный (Пе-2) и 588-й ночной бомбардировочный (По-2); последний и носил неофициальное название – «Ночные ведьмы». В книге очень живо воссоздаются страницы жизни

этого полка: повседневный быт девушек, страшные бои, обидная, а иногда и нелепая гибель летчиц, ставших нам по мере повествования родными и близкими: про каждую свою боевую подругу Ирина Ракобольская рассказывает подробно, с любовью и нежностью.

Подвиги «ночных ведьм» уникальны: на счету их бомбардировщиков тысячи вылетов и десятки тонн сброшенных на вражеские позиции бомб. И все это на деревянных бипланах, которые создавались вовсе не для военных целей! Причем в авиаполку все должности занимали исключительно женщины: от механиков до штурманов и пилотов. Воистину, женщины могут всё.

Читая книгу, невольно ловишь себя на мысли: а ведь у бесстрашных летчиц было все для счастливой и плодотворной жизни – молодость, хорошее образование, стремления, мечты. И все они – красавицы!

Сама Ирина Вячеславовна прожила долгую яркую жизнь: после войны стала физиком – профессором кафедры космических лучей и физики космоса физического факультета МГУ; оба ее сына – ученые: Николай – психолог, Андрей – физик, как и родители.

Другая летчица, Евгения Жигуленко, после войны посвятила себя кино. В 1981 году в прокат вышла ее режиссерская работа – фильм «В небе “ночные ведьмы”». Евгения долго жила в Сочи: депутат горсовета, начальник Управления культуры города, – благодаря ей в Сочи был открыт выставочный зал изобразительного искусства и КТЗ «Фестивальный».

Еще одна «ночная ведьма», Наталья Меклин, после войны закончила Военный институт иностранных языков и служила старшим референтом-переводчиком в Министерстве обороны СССР.

После окончания войны девушки договорились ежегодно 2 мая в 12 часов встретиться в Москве в сквере около Большого

театра. Так и было, пока в 2013 году не умерла последняя боевая подруга Ирины – Надежда Попова. Ракобольская с грустью признается итальянской собеседнице: «В этом году не будет никакого праздника. Какой смысл? Моих подруг больше нет, я осталась одна».

Ританна очень хотела, чтобы Ирина Вячеславовна увидела книгу, подержала ее в руках. Она очень торопилась. Но в сентябре 2016 года Ирины Ракобольской, последней из «ночных ведьм», не стало.

Роман итальянской писательницы – еще одно свидетельство уважения и восхищения «безумством храбрых».

Наталья Колесова

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Анна Ахматова

ПРОКЛЯТЫЕ КРОШКИ-САМОЛЕТЫ

Эти проклятые крошечные самолеты. Они появляются под покровом ночи, бесшумно подлетают к цели, пикируют, сбрасывают бомбы и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, стремительно взмывают ввысь. За несколько минут они успевают посеять на земле хаос и панику. Их пытаются поймать лучами прожекторов, но они ускользают от зенитной артиллерии – не успеют навести на них орудие, как они скрываются за облаками.

Альфред – пилот новейшего истребителя-бомбардировщика «Юнкерс», гордости Люфтваффе. Весь день он рассекает небо, пикирует вниз с пронзительным ревом, наводящим больше страха, чем стрекот пулеметов, грохот бомб или рушащихся зданий. Сейчас, после бессонной ночи, он смотрит на небо: оно понемногу светлеет. Альфред закуривает.

На рассвете все стихнет, тогда займутся ранеными, похоронят убитых, оценят потери и станут готовиться к следующему дню. И все же привычные порядок

и дисциплина, пришедшие на смену ночному ужасу, не могут снять напряжение, царящее здесь повсюду. Никто не знает, откуда ведется этот адский огонь. Кто сбрасывает бомбы? Они сыплются – Альфред успел это увидеть – с крохотных маневренных самолетов, которые зенитная артиллерия поразить не может: они летят неслышно, прожекторам их не поймать, их маневры смелы, виражи невероятны, смены курса неожиданны. Неужели у русских появились какие-то особые эскадрильи?

Пока он не может дать ответ на этот вопрос. И, насколько известно, этого не знают и в других инстанциях. Наступили тяжелые времена: вермахт прорывается к Кавказу, солдаты увязают на раскисших дорогах, а через несколько недель придет зима и все заметет снегом; земля под ногами становится все более зыбкой, война затягивается, а приказы командования делаются все противоречивее. Альфред думал, что их дивизию пошлют на север для поддержки с воздуха войск, стоящих на пороге Москвы или Ленинграда. Он уже мысленно входил в Северную столицу русских, куда не сумел войти даже Наполеон, но неожиданно они получают приказ отправляться на юг: надо взять под контроль нефтеносные районы Кавказа. Нужно пополнить истощившиеся в войсках запасы топлива – оно необходимо всем: автомобилям, танкам, кораблям, самолетам и подводным лодкам.

«До определенного момента все шло неплохо, – думает Альфред, выбрасывая окурок. – Все полагали, что к концу лета цель будет достигнута, но в последнее время что-то пошло не так. Враг отступает, но он не разгромлен. Сталинград окружен, разрушен бомбардировками, но не сдается. Дойти до нефтяных скважин оказалось не так просто».

А теперь еще и эти проклятые крошки-самолеты. Они усиливают тягостное предчувствие. Пехота с орудиями и тяжелой техникой ежедневно проходит более сорока километров. Когда объявляют привал, солдаты падают в изнеможении, они ждут наступления ночи как дара небес: наконец-то можно вытянуть ноги и немного поспать. Но с наступлением темноты, едва солдаты закрывают глаза, с неба пикируют эти жуткие самолеты и бросают бомбы. И так, с поразительной методичностью, до самого утра.

Каждую ночь после таких налетов санитары подсчитывают убитых и раненых – их множество. Это вносит панику в уставшие войска. Но еще страшнее непонимание – откуда берутся эти самолеты? Откуда этот град бомб, сыплющийся на уставших от бессонных ночей солдат?

Впрочем, Альфред знает нечто, чего не знают другие и что предпочитает замалчивать высшее руководство. Недавно один из этих маленьких самолетов упал. То ли заблудился в тумане, то ли потерял управление – рухнул на землю. Подойдя к обломкам, солдаты увидели в разбитом биплане двух женщин. Они погибли сразу, на месте. Их обыскали в надежде найти хоть какие-то документы, чтобы понять, кто они и к какому авиационному полку приписаны. Но ничего не нашли. Те, кто ими руководил, приняли меры, чтобы в руки врага не попало никаких сведений. Солдаты ушли ни с чем, предоставив хоронить тела местным жителям. Неужели этими едва ли не игрушечными самолетами, вносящими сумятицу в войска противника, управляют женщины? Неужели это они ночами сеют смерть? Руководство предпочитает не распространять это известие – мужчинам не следует знать, что ужас

на них наводят советские девушки, которые сидят за штурвалами маленьких бипланов. Они этого не пере-несут. Альфред и сам с трудом это пережил. Неужели это и вправду женщины? Смелые, хорошо обученные и безжалостные? Столь безразличные к опасности? Они появляются неожиданно, ночью, сеют ужас и ис-чезают в небе. Загадочные, неуловимые, стремитель-ные. Как ведьмы. *Nachthexen*, ночные ведьмы.

Я ХОТЕЛА ПОЗНАКОМИТЬСЯ С КЕМ-НИБУДЬ ИЗ «НОЧНЫХ ВЕДЬМ»

Я хотела познакомиться с кем-нибудь из «ночных ведьм». Мне сказали, что одна из них еще здравствует и живет в Москве.

Первая попытка знакомства провалилась – закончилась вежливым и решительным «нет». Встреча оказалась невозможной по очень банальным, но на тот момент непреодолимым причинам: у «ведьмы» не так много свободного времени, да и тот, кто должен был организовать встречу, тоже оказался занят.

Я поняла, что настаивать бессмысленно. Это «нет» исходило от представителя дирекции Музея Великой Отечественной войны, весьма необычного музея.

В просторных залах представлено стрелковое оружие, пушки, снаряды, амуниция, фотографии, документы, знамена, здесь можно увидеть диарамы сражений, петлицы, погоны, ордена и медали под стеклом выставочных стендов, портреты генералов, кинокадры парада Победы на Красной площади, строгий профиль Сталина – здесь сделано все, чтобы отдать дань уважения славной истории. Но тут не только прославляется героический отпор русского народа немецкому нашествию. В этих залах и сегодняшняя Россия – значение победы в той войне для ее судьбы неопределимо, поскольку величие ее прошлого вдохновляет и ее сегодняшний день. Эта потрясающая экспозиция с первого раза произвела на меня сильное впечатление, вызвав массу эмоций, а местами и просто ошеломила.

Представитель дирекции, к которой я обратилась, была влиятельным человеком, она принадлежала, как бы это сказали раньше, к административной номенклатуре

и исполняла роль, если можно так выразиться, жрицы исторической памяти. От нее исходили практически все инициативы крупных мероприятий с участием ветеранов Второй мировой войны, которые проводятся и сегодня, поскольку ветеранов в путинской России уважают как ни в какой другой стране. Именно она инициировала большую часть проектов, проводимых в школах и посвященных героизму советских солдат, сражавшихся с немецкими захватчиками. Она же имела самые близкие отношения с «ночными ведьмами», организовывала им встречи с журналистами.

К этому стражу исторической памяти я попала благодаря ветерану Ивану Мартынушкину, одному из первых советских солдат, вошедших в Освенцим. Я брала у него интервью, и совершенно случайно он обмолвился о «ночных ведьмах». От него я узнала о девушках, которые во время войны на маленьких хрупких самолетах ночью атаковали немцев и наводили на них такой страх, что заслужили прозвище *Nachthexen*. Когда он рассказывал мне об этом, видимо, на моем лице отразились такие удивление и интерес, что ветеран тут же добавил: если у меня есть желание, я могу познакомиться с кем-нибудь из них. Он направил меня к нужному человеку. Но что-то здесь не сработало.

Моя подруга Элеонора старалась меня утешить: не стоит падать духом от этого «нет». Она утверждала, что тут сработал старый советский рефлекс, едва ли не вошедший в кровь и плоть русского национального характера. Но если не унывать и сохранять доброжелательность, настаивала Элеонора, русские обычно меняются – становятся любезными, дружелюбными и готовыми к сотрудничеству. Если настойчиво идти к своей цели, то так или иначе мы увидимся с «ведьмами».

Разумеется, Элеонора оказалась права, впрочем, я и не собиралась отступать. Наоборот, после первого отказа, мое любопытство по отношению к этим отважным загадочным женщинам только возросло, как растет интерес к любому запретному плоду. Если солдаты вермахта, занявшие бóльшую часть европейской России, подступившие к Москве и Ленинграду, зажавшие в тиски Сталинград и разорившие Кавказ, боялись молодых девушек, управлявших легкими фанерными самолетами, то эти женщины действительно должны быть необыкновенными. Познакомиться хотя бы с одной из них – огромная удача.

В ожидании момента, когда «нет» превратится в «да», я решила обратиться к книгам. В двух шагах от Красной площади находится величественная Библиотека имени Ленина, перед ней с задумчивым взглядом сидит бронзовый Достоевский. Среди сорока четырех миллионов томов я, конечно же, найду необходимую информации о тех, кого мы с Элеонорой отныне называли «нашими ведьмами».

После нескольких «нет», на этот раз, впрочем, весьма незначительных, огромная библиотека открыла перед нами свои двери. Очень милые и профессиональные библиотекари проявили доброжелательность по отношению к двум экстравагантным итальянкам, желающим получить информацию о *Nachthexen*. Они предоставили нам много документов: биографии, стихи, рассказы, учебники и даже детские книги. Лихорадочно листая книгу за книгой, мы с удивлением узнали, что «ночные ведьмы» входили в состав сугубо женских полков: механики, техники, вооруженцы – все вспомогательные службы тоже состояли исключительно из женщин. Как это было возможно? В самый разгар войны Красная армия имела смелость сформировать авиационные полки, в состав которых вхо-

дили только женщины? От пилотов бомбардировщиков до техников? Так решил Сталин в октябре 1941 года, – читаем мы. Вот это да! Не знала, что Иосиф Сталин был таким ярким сторонником феминизма, раз в военное время доверил самолеты женщинам и даже согласился на то, чтобы в их коллектив не был допущен ни один мужчина! Эта история казалась нам невероятной – к любопытству теперь примешивались чувства, понятные тем, кто хоть раз приближался к тайне, к уникальной истории, до сей поры никому практически не известной.

Когда мы вышли из библиотеки, держа в руках записи и ксерокопии, нам показалось, что Федор Достоевский на высоте своего пьедестала стал менее задумчивым и на губах его заиграла улыбка.

В тот вечер мы решили отпраздновать начало нашего приключения и заверить самих себя, что никакие «нет» нас уже не остановят: мы поужинали в кафе «Пушкинь».

В Риме, на вилле Боргезе, напротив Национальной Галереи современного искусства, стоит памятник Гоголю работы Зураба Церетели. На мраморе выбита надпись: «О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде»*. Мне показал ее один мой знакомый, когда узнал, что, сидя в кафе Галереи, я читала материалы о «ведьмах», которые смогла раздобыть в России. Гоголь был влюблен в Рим начала девятнадцатого века, именно там он начал писать «Мертвые души». Надпись на его памятнике показалась мне символичной. Сидя за столиком бара в римском парке, я читала и делала записи. И тут мне пришло в голову, что было бы неплохо снова поехать в Москву, погрузиться

* Из письма Плетневу от 17 марта 1842 г. (здесь и далее примечания переводчика).

в тему и, вернувшись, написать о «ночных ведьмах». Эта русская история кому-то могла бы показаться незначительной, но именно отсюда, из Рима, она открылась мне «во всей своей громаде». Теперь, прочитав о них и увидев столько фотографий, я многое для себя открыла. Я подпала под очарование этих девушек с улыбающимися лицами, одетых в мужские гимнастерки. Я смотрела на их простодушные и невинные лица, и у меня возникали все новые вопросы. Мне хотелось понять, какие внутренние мотивы заставили их столь решительно отправиться на войну и взять на себя роль, до тех пор не ведомую ни одной женщине? Я хотела докопаться до сути этой необыкновенной эмансипации.

По меньшей мере миллион женщин в СССР приняли участие в войне наравне с мужчинами: медсестры, связистки, повара и даже солдаты, кстати, – женщины были отличными снайперами. О них хорошо пишет писательница Светлана Алексиевич (которую я очень люблю) в книге «У войны не женское лицо». Если вы ее прочтете, вас, как и меня, непременно поразят чувства, воспоминания, тревоги, которыми жили женщины во время войны. Эти переживания еще более трагичны оттого, что они не свойственны женщинам, ибо диктуются Великой Историей, в которой в отличие от многих мужчин они свое участие полностью не осознавали; напротив, они упрямо противопоставляли ей свое скорбное бремя. В историях, рассказанных Алексиевич, со всей возможной достоверностью показаны женщины, испытавшие тяготы жизни, угнетенные обстоятельствами и судьбой, не им предназначенными.

А у себя в заметках я явственно видела именно женское лицо войны: женщины здесь не были жертвами моральных и материальных бедствий, обусловленных войной, – это не было лишь страданием, принуждением

и повиновением. «Ведьмы», как мне представлялось из книг, содержавших их воспоминания, из документальных фильмов с их интервью, не были жертвами Истории, напротив, им была отведена роль первого плана, война открыла им путь к эмансипации, расширила сферу свободы. Им недостаточно было равенства в школе и на рабочем месте, дарованного социалистическими преобразованиями, недостаточно плакатов на стенах, призывающих женщину сесть на трактор, работать на стройке и управлять самолетами. Они претендовали также на трагическое и жестокое равенство перед лицом смерти. Чтобы добиться его, им пришлось вступить в бой с теми, кто не собирался признавать за ними подобное право. Похоже, из этого боя они вышли победителями. Все «ночные ведьмы» в своих рассказах с гордостью повторяли: они доказали, что ничуть не хуже мужчин.

Вскоре я вернулась в Москву. В моем распоряжении было всего несколько дней. Хотя я по-прежнему мечтала встретиться с одной из «ведьм», я не была уверена, что добьюсь успеха в этот раз. Я подумала, что лучше пока забыть об этом и насладиться красотой оживленного города, готовящегося встретить Новый год, тем более что зима выдалась на редкость мягкой.

«Ведьма» нашла меня сама. Когда я прогуливалась по Измайловскому рынку среди матрешек, вышитых салфеточек и целых тонн реликвий – медалей, флагов, книг, домашней утвари, портретов, гербов, вещей времен Великой Отечественной войны и прочих мелочей, – на прилавке с филателией мое внимание привлекла одна марка. На ней изображался не Ленин и Сталин с добрыми улыбками, а молодая женщина с очками на шлеме пилота. Кто эта женщина, в советское время удостоившаяся права быть

изображенной на марке? Не успела я сформулировать вопрос, как получила ответ. «Это Марина Раскова», – сказал мне продавец, немного удивившись, что я ее не узнала. И в самом деле, нет ни одной книги о «ночных ведьмах», где бы она не была упомянута. Именно эта женщина уговорила Сталина сформировать авиационные полки, состоящие только из женщин. И вот она передо мной, то есть на марке. Я ее покупаю, осторожно вкладываю в тетрадку и снова испытываю чувство горечи. На этот раз «ведьмы» посылают мне сообщение, а я не могу ответить. Это выглядит как неисполнение обязательств, о чем я когда-нибудь сильно пожалею.

В тот момент, погрузивший меня в уныние и пессимизм, я даже не оценила упорства Элеоноры, которая, прекрасно владея русским языком и своим всемогущим мобильником, решила обойти представителя дирекции музея на повороте, и шквал смс и звонков полетел в общества ветеранов и чиновникам Министерства обороны. Уж они-то должны знать, где можно найти последних «ведьм». Я смотрела на Элеонору невидящим взглядом и думала, что она просто увлеклась коллекционированием неизменных «нет». Однако уже во второй половине дня она с триумфом объявляет: «Мне удалось поговорить с Владимиром Александровичем Наумкиным!» – «А кто это?» – недоверчиво спросила я. «Он из Общества ветеранов при Министерстве обороны. Человек очень любезный, но живет по старинке, – сообщает мне Элеонора. – Он не пользуется ни сотовым телефоном, ни электронной почтой, поэтому связаться с ним очень сложно, но в конце концов он ответил по городскому телефону. Я попросила его познакомить нас с кем-нибудь из “ночных ведьм”, – заключила Элеонора. «Он ответил “нет”?» – «В том-то и дело! Он сказал “хорошо”!»

И вот мы встречаемся с Владимиром Александровичем Наумкиным на станции метро «Университет». На нем тяжелое пальто, вокруг шеи завязан шарф, на голове – внушительная меховая шапка. У него светлые, серьезные глаза, пронзительный взгляд отставного военного, а предупредительное поведение и подтянутый вид напоминают о манерах русских офицеров прошлых времен. В руках у него пластиковый пакет с двумя книгами о Второй мировой войне, что свидетельствует о том, насколько ему дорога память о ней.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА